

ЕГОР БУЦКИХ

непечатное

Егор Буцких

Непечатное

<https://litres.ru/74128004>

SelfPub; 2026

Аннотация

Слова, написанные кровью, в мире идеального кода.

В антиутопическом будущем 2065 года миром управляет мегакорпорация NeuroCult, установившая абсолютную монополию на культуру и человеческие мысли. После безжалостной «Оптимизации» профессия писателя стала незаконной болезнью, а литературу создают исключительно бездушные нейросети, выдающие выверенные, но пустые тексты для миллиардов людей. Михаил Ольшанский — 72-летний бывший писатель, который отказывается сдаваться системе и тайно пишет настоящий роман.

Когда корпорация готовится запустить «Глубокое Понимание» — страшную технологию, способную переписывать восприятие текста прямо в мозгу и навсегда стирать «опасные» человеческие чувства, Михаил понимает, что времени почти не осталось. Вместе с подпольной группой сопротивления «Искрословы» и Алисой Новиковой — лучшим аналитиком NeuroCult, перешедшей на сторону бунтарей после того, как она узнала правду, — старик решается на последний, смертельный акт творческого неповиновения.

Егор Буцких

Непечатное

Часть первая.

Глава 1. Когнитивный мусор

Пальцы Михаила дрожали. И нет, чёрт возьми, не от дряхлости – в свои семьдесят два он ещё мог всадить иглу в нитку с первого раза, пока нынешняя молодёжь тыкалась в свои голографические тыкалки, не способные отличить настоящую реальность от симуляции. Озноб вызывали эти контрабандные чернила, въевшиеся в кожу так глубоко, что никакая, даже самая едкая химия, не брала. Он тёр ладони старой, жёсткой ветошью до красноты, до саднящей боли, пока кожа не начинала гореть. Эти синие метки – как будто клеймо каторжанина, впечатались навечно. Одно неловкое движение, один лишний взгляд – и синий след на пальце выдаст его с потрохами, быстрее, чем целая гора крамольной бумаги, припрятанной под кривоватой половицей.

Его скворечник на 247-м уровне Восточного Блока – это были двадцать квадратных метров унылого, пропылённого бетона. Стены мелко мерцали и отбрасывали на бетон бледный свет; глаза уставали от постоянного блика. Типичный пенсионный загон. Единственной настоящей ценностью бы-

ло окно. Не цифровая имитация с идеальными видами, а старое, мутное стекло в мелких царапинах. Через него мегаполис казался огромным и уставшим, над которой застыло оранжевое марево смога. Бесконечные нити транспортных лент вились внизу, напоминая магистрали.

Михаил исподлобья глянул на потолок. В углу подмигивал зелёный Домашний Страж – его свет был как постоянное наблюдение.

– ДС, погаси это безобразие, – прохрипел Михаил, нарочно напуская в голос побольше старческой немощи, как будто только что проснулся. – И поставь что-нибудь... такое, чтобы в башке не гудело. Уснуть хочу.

– Разумеется, Михаил, – отозвался приторный, паточный голос Стража. Так могла бы звучать реклама очень дешёвого крема для загара, обещающего вечную молодость.

– Желаете что-нибудь конкретное? Новая нейросимфония Ночные грёзы сегодня бьёт все рекорды удовлетворённости. Говорят, индекс счастья у слушателей зашкаливает.

– Да хоть Дневные кошмары, – огрызнулся он. – Ставь уже.

Когда алгоритм запустил фон, из колонок зазвучала «усыпляющая» музыка. Михаил сжал зубы от этой искусственной тишины. Ненавидел он эту совершенную, бездушную красоту. Она была мертвее, чем этот проклятый бетон вокруг.

Как только верхний свет погас, а на экранах замерли де-

журные «Приятных снов», он нашарил в прикроватной тумбочке цикаду. Старая, потёртая штуковина, подарок давнишнего друга Максима. Макс всегда был с приветом, но в железках шарил. цикада едва слышно зудела в ладони, создавая вокруг кровати крошечный островок слепоты для Стража. Всего тридцать сантиметров тишины – его личная, неприкосновенная граница. Звук цикады на секунду затих, и Михаил вздрогнул.

Осторожно, боясь скрипнуть суставами, поддел пластиковую панель у изголовья. Кто бы мог подумать, что в этих сверхсовременных ульях, где каждый сантиметр пропитан синтетикой, всё ещё встречались дешёвые вставки из пресованной крошки? Он выудил свёрток, обёрнутый в старую фланель.

Это была бумага: настоящая, шероховатая, хрустящая, пахнувшая лесом и чем-то забытым, из той жизни, которой не было уже лет тридцать. Не та мерзкая растворимая дрянь, которую выдавали в центрах досуга для творчества под бдительным оком ИИ. Эта бумага была живой. Она сопротивлялась.

Он развернул лист, уже исчёрканный мелким, колючим почерком, и пробежал глазами последние строки: *«Саша знал: хвост за ним сядет уже к утру. Весь вопрос был в том, успеет ли он дописать...»*

Ирония была горькой, как привкус чернил на языке.

Он писал про себя. Слишком прямо, почти пошло. Но ко-

му до этого дело? Кто сейчас вообще помнил, что такое литературный приём, если последний человеческий роман сгнил на свалке истории пару десятилетий назад?

Михаил обмакнул перо, почувствовал его плотность, его вес. И продолжил: *«В последние минуты он решил не тратить время на оправдания. Кому они нужны? Он хотел оставить свидетельство о днях, когда книги дышали. Когда между строк пряталось больше, чем в самих словах. О времени, когда ошибка была не багом системы, а единственным верным признаком того, что ты жив.»*

Снаружи проплыл рекламный дрон. Его прожектор на секунду полоснул по комнате через щель в шторах. Михаил не закрывал их до конца – знал, что Страж считает полную темноту признаком девиантного поведения. На одном из экранов в коридоре вспыхнула яркая, как ожог, надпись: **«ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ СКАЧИВАНИЙ! ИМЯ ПРИЗРАКА – НЕЙ-РОМАН ГОДА. ИИ ПИШЕТ ЛУЧШЕ ЛЮДЕЙ. ПРИЗНАЙ ЭТО».**

Михаил криво усмехнулся. Он пробовал читать этот нейроман – идеально выстроенный, безупречно стилизованный и абсолютно, до дурноты пустой внутри. Ему становилось плохо от этой бесцветной «красоты». Пять миллиардов людей добровольно глотают эту пустышку и просят ещё. Михаил фыркнул и молча отвернул голову.

Его пальцы, чутко ощущая шершавость бумаги, выводили синие, почти чёрные каракули. От пера оставался живой,

рванный след: *«Они забрали у нас слова, подсунув вместо них сверкающие обёртки и пообещали целые миры. Создали идеальные тексты, где не осталось даже щели для тишины между строк. А ведь именно в этой тишине, в этих невысказанных паузах, и жила литература...»* Михаил задохнулся, чувствуя, как лёгкие сводит от натуги.

Внезапно динамик Домашнего Стража издал мелодичный, но такой пронзительный, как стон загнанного зверя, звук. Сердце бешено забилося в груди, плечи окаменели. Входящее сообщение.

– Михаил, к вам посетитель. Алиса Новикова, аналитик департамента культурного надзора. Указывает срочность визита. Открыть дверь?

Перо застыло над страницей. Капля чернил сорвалась и расплылась на листе уродливой кляксой. Рука мгновенно вспотела, пальцы похолодели, будто окунулись в ледяную воду. Аналитик? Департамент? В такое-то, к чёрту, время? Сердце, казалось, пропустило не один, а сразу десяток ударов, а потом заколотилось как сумасшедшее, отбивая тревожный, лихорадочный ритм где-то в горле. Чёрт...

Одним судорожным, неловким движением он выдернул лист, сунул его в щель под разболтанной половицей, едва не содрав ногти. Цикада полетела под матрас, едва не выскользнув. Михаил замер, прислушиваясь к каждому шороху собственного страха, к каждому удару собственного, предательского сердца.

– ДС, стандартное освещение, – голос невольно дрогнул, предательски сорвавшись. – И... да,пусти её. Будь она проклята.

– Выполняю.

Дверь беззвучно, почти подло отъехала в сторону, и на пороге возникла молодая женщина. Строгий серый костюм, который сидел на ней идеально, без единой складки, с едва заметным, но хищным светящимся логотипом NeuroCult на лацкане. Короткие тёмные волосы, словно вылепленные из пластика, очки дополненной реальности плотно сидели на переносице. В её взгляде не было ни тени тепла, ни даже привычной офисной скуки – только этот отточенный, абсолютный профессионализм, от которого веяло чем-то чужим, безжизненным. Идеальная кукла.

– Господин Ольшанский? Я Алиса Новикова, – она протянула руку для формального приветствия, но ни на миллиметр не пересекла порог. Как невидимая, но прочная черта на полу. – Приношу извинения за поздний визит. У нас зарегистрирована... хм, аномалия в вашем культурном потреблении. Могу я войти для стандартной проверки?

Михаил посмотрел на её руку – молодую, идеально ухоженную, с безупречным маникюром, ни единого, чёрт возьми, пятна. А потом на свою – старческую, с выступающими венами и суставами, натруженными десятилетиями письма, скрывающими остатки синевы. Он протянул свою ладонь, чувствуя её неестественный покой, её неестественную глад-

кость, которая отдалась резким импульсом в его пальцах.

– Конечно, проходите. Боже мой, что за аномалия в культурном потреблении? – он постарался, чтобы голос звучал по-стариковски ворчлив. Привычная маска.

Он знал, что выглядит именно так, как должен – сонный старик, недовольный поздним беспокойством. Он годами, долгими, тягучими годами оттачивал эту маску равнодушия, вживлял её в себя, делал плотью от плоти. Но глубоко внутри что-то отчаянно, дико кричало: нет, это не просто так. Это не рутина. Что-то изменилось. Они, наконец, что-то заподозрили. Запахло жареным.

Алиса шагнула в квартиру, и воздух тут же стал тяжелее. Дверь закрылась за ней с тихим, электронным шипением, будто бы захлопнулась ловушка.

– Надеюсь, это не займёт много времени, – произнесла она, активируя что-то на своих очках. От их линз пошли едва заметные, быстрые, считывающие линии сканирования. – Система зафиксировала, что за последние шесть месяцев вы не прочитали ни одного нейромана полностью. Это... ну, по меньшей мере, необычно, согласны?

Михаил пожал плечами, стараясь выглядеть максимально равнодушным, напоминая чугунную статую.

– В моём возрасте глаза быстро устают от ваших мерцающих экранов. Да и не всё это новое... по душе. Мне просто... скучно там у вас. Пусто. Одно и то же, только в разных обёртках. Как жевательная резинка, которая потеряла вкус.

– Но аудиоверсии вы тоже не запрашивали, – Алиса чуть склонила голову, её взгляд, казалось, просвечивал насквозь, выискивая что-то мёртвое. – И ваша активность в Общем чате... крайне низка для вашей возрастной группы.

Михаил ненавидел этот Общий чат. В нём каждое твоё «привет» или «как дела» анализировалось, архивировалось. Место, где все, говорили и никто, по сути, никого не слушал. Просто бесконечный, тошнотворный цифровой шум.

– Мне просто... нечего сказать, – ответил Михаил. – Я старомоден. Предпочитаю тишину. Настоящую.

Алиса медленно окинула взглядом комнату. Её очки сканировали, Михаил чувствовал это кожей, каждой морщинкой. Она пыталась делать это незаметно, но её глаза под линзами были слишком неподвижные, слишком выжидающие.

– Господин Олышанский, вы ведь были писателем... до Оптимизации?

О да, Оптимизация! Так они называли это. Когда ИИ официально, с пафосом, признали более эффективным создателем культурного контента, чем человек. Когда все издательства, как тараканы, закрылись одно за другим, а писательство перестало быть профессией, превратившись в... отклонение. В постыдную болезнь.

– Это было давно, – ответил Михаил, и его голос был сухим, как пепел. – Совсем другая жизнь. Чужая.

Алиса улыбнулась не живой улыбкой, а программным откликом, безупречным и пустым. Такие улыбки выдавали в

NeuroCult вместе с удостоверением – вежливые маски для тех, кто пришёл препарировать твою душу.

– Извините за прямоту, но наши датчики считывают у вас классические признаки ностальгической депрессии. Это излечимо, Михаил, вы же понимаете? – Она говорила мягко, как медсестра в хосписе, стараясь успокоить умирающего. – NeuroCult предлагает бесплатную программу адаптации. Для бывших... творцов. Поможем вам встроиться в реальность.

Она достала из кармана узкую мерцающую карточку. Пластик был таким гладким, что казался скользким, и на ощупь был слишком холодным.

– Здесь адрес центра реабилитации. Там вам подберут более... конструктивные способы самовыражения. В рамках закона, разумеется.

Михаил взял карточку. Пальцы предательски заходили ходуном, и он спрятал их в складках старого халата. На глянце издевательски горел слоган: «Творить с ИИ – значит строить чистое будущее». В горле застрял горький ком, отдающий жёлчью.

– Спасибо. Я... я подумаю, – соврал он, зная, что скорее разmozжит себе голову о бетон, чем позволит им выжечь свои воспоминания.

– Это всё, что я хотела услышать. – Алиса уже развернулась к выходу, её движения были точными, экономными, как у хорошо отлаженного механизма. Но у самой двери она за-

мерла. Резко. Неестественно. Её взгляд, острый, как луч ска-
нера, упал на кровать.

– А это что такое?

Сердце Михаила сжалось в болезненный спазм. На краю
одеяла, прямо на сером выцветшем ворсе, сияло крошечное,
но невыносимо яркое синее пятно. Чернила. Одно неосто-
рожное движение пером и вот она, улика. Проклятье. Идиот.
Старый, слепой идиот!

Алиса медленно наклонилась. Её палец, затянутый в тон-
кую прозрачную перчатку, коснулся ткани.

– Похоже на... – Она замолчала. Её лицо не изменилось, но
взгляд из вежливо-отстранённого стал режущим, как бритва.
Губы сжались в узкую бледную нить. – Господин Ольшан-
ский, напомните-ка, у вас есть разрешение на использование
жидких пигментов?

– Это краска! – выпалил Михаил слишком быстро, голос
сорвался на высокий, почти девичий фальцет. – Я... я рас-
крашиваю фигурки. Солдатики, знаете ли. Хобби для мараз-
матиков. Полностью... легальное. В списке разрешённых раз-
влечений.

Алиса не мигая смотрела на него долгие, бесконечные
пять секунд. Михаил слышал, как в углу тяжело гудит венти-
ляция и как бешено колотится пульс в его висках. В её глазах
мелькнула странная искра: то ли системный сбой, то ли тень
чего-то похожего на любопытство.

– Конечно, – наконец произнесла она. – Хорошего вечера,

господин Ольшанский. Отдыхайте.

Когда дверь за ней лязгнула, Михаил буквально рухнул на матрас. Воздуха не хватало, грудь словно стянули стальными обручами. Это был конец. Она не поверила. Они вернутся с ордером, со сканерами, с бригадой чистильщиков...

Под кроватью всё ещё надрывно зудела цикада, пытаюсь прикрыть его тайник своим невидимым полем. Но надолго ли её хватит? Эта иллюзия безопасности трещала по швам.

Михаил поднял руки. Синие пятна въелись в глубокие морщины на ладонях, забились под ногти. Его собственная кожа превратилась в улику, которую невозможно смыть. Времени не осталось. Он понял, что часы начали обратный отсчёт.

Нужно успеть и обязательно дописать. Любой ценой. Если они отберут бумагу и уничтожат чернила, ну, что ж... У него остался последний холст. Самый надёжный. Самый страшный. Холст, который всегда с ним.

Собственная кожа.

Глава 2. «Взгляд изнутри»

Михаил что-то мямлил – сбивчиво, жалко, глотая слова. Про краску для каких-то мифических фигурок, про безобидное хобби для доживающих свой век стариков. Алиса смотрела на него эти долгие пять секунд, и в глубине души у неё появились какие-то необъяснимые чувства, которые бы-

ли в большей степени похожи на жалость. Старик пах пылью, чем-то затхлым... Но в его глазах застыл такой животный страх, такая отчаянная попытка спрятать остатки своего мира, что у неё самой засосало под ложечкой. Система на её очках не выдала никаких красных маркеров, но Алиса, как всегда, заметила: не столько раздражение, сколько... острую настороженность, едва она упомянула Общий чат.

Когда за ней закрылась дверь, она не ушла сразу. Стояла в гулком, пустом коридоре, слушая, как он тяжело, как мешок с костями, рухнул на кровать. Её детекторы аномалий едва заметно жужжали, сигнализируя о нестабильности в его квартире, но она не подала виду.

«Собственная кожа», – вдруг пронеслось у неё в голове. Почему она об этом подумала? Это пугало её.

На 500-м уровне башни NeuroCult пахло шлифованной талью и озоном. Стерильность была такой агрессивной, что глаза резало. Алиса шла по зеркальному мрамору, и её шаги в этой идеальной тишине казались грохотом метронома. Здесь всё подчинялось алгоритмам, от движения воздуха до логистики задач. Люди исполняли роль... запчастей в огромной, бездушной конструкции.

Виктор Соловьев ждал её в кабинете с видом на весь этот светящийся муравейник города. Он даже не обернулся.

– Ну, что там с нашим доисторическим автором? – спро-

сил он, и голос его, даже спокойный, был как натянутая до предела струна перед разрывом.

Алиса открыла отчёт на 520-м уровне, в своём кабинете. 5:30 утра. Она всегда приходила раньше не из любви к работе, а ради этой полуторачасовой тишины, когда можно было просто побыть человеком, а не аналитиком корпорации.

На одном из её скрытых голоэкранов висел Бах. Проекция «Хорошо темперированного клавира». Её маленькая тайна, в которой, по мнению девушки, каким-то чудом билось живое сердце.

– За ночь – 247 отклонений, – отрапортовала она системе.
– 243 – мусор. Четыре в работе.

Алиса пролистала отчёт жестом руки. Пожилой мужчина девяноста двух лет, запрашивающий архивные видео о газетах; семья, втайне коллекционирующая устаревшие носители; подросток, создающий нестандартные мелодии. И, конечно, Михаил Ольшанский.

Она развернула его досье. Седой старик с глазами, которые видели слишком много. Писатель. Родился в 1993-м – боже, это же было ещё до того, как мир стал идеально-оптимальным. Фотография оттуда, из того, другого мира, где люди ещё умели искренне улыбаться.

Алиса открыла видеозапись вчерашнего визита со своих очков. Перемотала к моменту с синим пятном на одеяле.

Анализатор выдал сухую справку: «пигмент на водной основе, высокая вероятность принадлежности к категории «письменные чернила». Запрещённый материал».

Система этого не подсветила, но Алиса снова отметила: его реакция на Общий чат была неестественной.

– Сводка по Общему чату за последние полгода, Михаил Ольшанский, – запросила она.

Данные всплыли перед ней – минимальная активность, стандартные, безупречные фразы, полное отсутствие оригинального контента. Слишком идеально для человека его возраста и профиля. Как будто кто-то очень старательно пытался стать невидимым.

Алиса включила внутреннюю связь с директором.

– Господин Соловьев, доброе утро. Я изучила случай Ольшанского.

– И? – голос Виктора звучал напряжённо, даже в такой ранний час. Он не любил ждать.

– Думаю, стоит установить постоянное наблюдение. – Она сама не знала, почему так решила. Просто гнетущее предчувствие.

Пауза. Затем:

— Даю добро. Действуй. Держи меня в курсе.

Связь прервалась. Алиса сделала глоток синтетического кофе из стакана – идеальная температура, идеальная концентрация. Всё как обычно. Но почему-то этим утром он казался абсолютно безвкусным, как будто она пила теплую воду.

На одном из экранов появилось уведомление о входящем сообщении от Дианы Соловьевой. Алиса нахмурилась. Дочь директора всегда выбирала неподходящее время.

«Встретимся сегодня? Нужно обсудить кое-что важное».

Странно. Они не были близкими подругами. Алиса сравнила их с деталями одного механизма, хотя Диана и работала в другом отделе. Но что же могло быть настолько важным?

«В 13:00 в кафе на 300-м?» – ответила Алиса, не ожидая, что Диана согласится. Обеденный перерыв в общественном месте – это было слишком открыто для чего-то действительно серьёзного.

«Идеально. И да, давай без очков ДР, договорились?»

Без очков дополненной реальности? Это уже пахло нарушением кодекса. Алиса почувствовала легкий дискомфорт. Приказ директора о наблюдении за Ольшанским, странное приглашение его дочери, синее пятно на постели старика. Что-то связывало эти точки, но пазл пока не складывался. Это её раздражало.

– Активировать наблюдение протокол «Призрак». Объект – Михаил Ольшанский, – произнесла она. – Полная отчётность каждые шесть часов.

– Протокол активирован, – отозвалась система. – Первые данные будут доступны в 12:30.

Офис постепенно заполнялся сотрудниками. Большинство кивком приветствовали Алису, но никто не завязывал разговор. Её репутация аналитика-одиночки была лучшим

щитом и это устраивало девушку. Меньше социальных контактов – меньше информационного шума, меньше ненужных переменных в жизни.

Через несколько часов сосредоточенной работы система оповестила её об обеденном перерыве. Алиса закрыла все рабочие файлы, оставив только один – досье Ольшанского. Что-то ускользало от её внимания. Она пролистала личную информацию писателя ещё раз, цепляясь за детали, которые пропустила раньше.

Его последний роман, «Время шёпота», был отмечен как последний коммерчески успешный человеческий роман в категории литературная проза. Продажи превысили восемьсот тысяч копий. Затем – обрыв. Оптимизация. Исключение человеческого фактора из процесса создания искусства.

Алиса была тогда подростком. Она помнила то всеобщее воодушевление: новые нейросети четвёртого поколения, графики эффективности, статистика экономии времени. Всё казалось логичным и правильным. Но было и что-то ещё – смутное воспоминание о том, как отец читал ей настоящую бумажную книгу перед сном. Книгу, которую написал человек. И отчего-то сейчас это воспоминание казалось... опасным.

Она отбросила эту мысль. Ностальгия – это сбой в системе.

Покинув офис, Алиса направилась к лифтам. Спустившись на 300-й уровень, она сняла очки дополненной реаль-

ности и спрятала их в карман – первое нарушение правил за последние три года. Странное чувство: словно она сняла часть собственной кожи, или часть мира просто перестала существовать. Мир вокруг мгновенно стал тусклым, лишённым цифрового блеска. Обычно она видела каждого встречного с подписью: имя, должность, рейтинг. Теперь перед ней были простые люди, просто лица. Анонимные. Неклассифицированные. И это было... пугающе.

Кафе на 300-м уровне принадлежало к сети НутриОптимум. Это стандартное заведение с научно сбалансированными блюдами и минималистичным дизайном. Диана уже ждала за дальним столиком – без очков, с необычным выражением напряжения на лице.

– Ты всё-таки пришла, – сказала Диана вместо приветствия. Голос был тихим, почти неразличимым. – И без очков! Отлично!

– О чём ты хотела поговорить? – Алиса села напротив, чувствуя странное раздражение от отсутствия привычного протокола. Она привыкла к порядку.

Диана выглядела не так, как обычно. Она сидела без ДР очков и крутила на пальце тонкое кольцо. Вместо корпоративного костюма на ней была надета простая серая туника без логотипов. Волосы собраны небрежно. И главное – в её глазах читалось что-то похожее на страх. Или болезненное возбуждение.

– Об Ольшанском, – тихо произнесла Диана, наклоняясь

вперёд. – Ты ведь получила задание следить за ним, верно?

Алиса мгновенно напряглась.

– Это закрытая информация. Как ты...

– Плевать, – Диана махнула рукой, игнорируя все правила. – Послушай, Алиса. То, что ты нашла вчера, – Диана сделала паузу, оглядываясь по сторонам, – это не просто хобби пенсионера. Он пишет. По-настоящему. На бумаге.

– Пишет? – Алиса нахмурилась, чувствуя, как под воротником серого костюма начинает скапливаться капли пота. – Ты имеешь в виду, генерирует тексты? Это не преступление, если...

– Не генерирует, а пишет, и не бот-писатель, Алиса, рукой на бумаге. Он рождает настоящий, человеческий текст.

Алиса замерла. В голове мгновенно сложилась картинка из разбросанных пазлов: синее пятно на ворсе одеяла теперь жгло ей глаза, обретая смысл. Но почему она слышит это от Дианы? Дочь директора корпорации, которая железной хваткой держит всё культурное производство планеты, сидит здесь и шепчет о государственной измене? Это была ловушка. Или проверка..

– Если у тебя есть данные, почему ты не оформила рапорт? – Алиса попыталась вернуть голосу сталь профессионализма, но звук получился сухим, как треск ломающейся ветки. – Это статья 149 о незаконном производстве несанкционированного контента. Ты понимаешь, Диана, – это тюрьма! Для него и для всех, кто знал.

Диана смотрела на неё долго, не моргая. В её взгляде не было той вылизанной, рекламной вежливости сотрудников NeuroCult. В этом взгляде чувствовалась очень тяжёлая усталость. Она улыбнулась, и эта улыбка была горькой, как привкус жёлчи.

– Потому что я хочу, чтобы ты это прочитала. До того, как его сотрут, – голос Дианы упал до едва различимого шёпота, она подалась вперёд, и Алиса почувствовала запах её духов – что-то резкое, напоминающее озоновый разряд перед грозой. – Потому что это, возможно, последний живой текст на Земле. И потому что мой отец... он боится таких, как Ольшанский.

– Боится? – Алиса почувствовала, как в её сознании проскочила искра короткого замыкания. Виктор Соловьев, человек, чьё имя вписано в код самой реальности, боится старика с испачканными чернилами пальцами? Это звучало как бред сумасшедшего.

– Ты хоть раз задумывалась, почему нас так быстро заставили замолчать? – Диана достала из кармана крошечную, почти невидимую карту памяти. – Почему не оставили даже крошечного загона для тех, кто хотел творить по-старому? Прочти это. Только не в сети. И сделай выбор. Настоящий. – Она отодвинула стакан с водой, сжала чип в кулаке, и нервно покусывала палец. Голос Дианы дрогнул не от страха, а от мысли – «это то, за что мама заплатила жизнью».

Алиса почувствовала её смятение.

Прежде чем Алиса успела вытолкнуть из пересохшего горла хоть слово, Диана поднялась и исчезла в дверях, оставив на столе нетронутый стакан воды. Вода в нем едва заметно дрожала. Алиса сжала в кулаке чип. Он казался тяжёлым, как кусок свинца, и острым, похожа на занозу, впивающаяся прямо в ладонь. Неавторизованный носитель. Смертный приговор, можно сказать, уже подписан..

Внезапно устройство в её кармане завибрировало коротко, требовательно. Алиса надела очки, и перед глазами вспыхнули красные строки отчёта:

«Объект Ольшанский М.А. Первичный анализ завершён. Зафиксирована аномальная активность. Передвижение по квартире нарушает стандартный шаблон. Вероятность скрытых действий – 87%».

И следом, вторым ударом – прямое сообщение от директора Соловьева:

«Ко мне. Немедленно. Есть данные по твоему писателю».

Алиса сунула карточку в потайной разрез на внутренней стороне рукава. Возвращаясь к лифтам, она кожей чувствовала этот крошечный объект. Казалось, он прожигает ткань, касаясь самого пульса. Выбор. Диана говорила о выборе, но в мире NeuroCult это слово давно стало архаизмом, багом системы.

Лифт стремительно уносил её ввысь, в чрево башни. Сквозь стеклянные стены город казался сложной материнской платой, где каждый человек был лишь электроном, бе-

гушим по заданной дорожке. Алиса всегда гордилась тем, что она – идеальный проводник. Но сейчас внутри неё, где-то глубоко под броней костюма, зародилось едкое, скользкое сомнение.

Виктор Соловьев стоял у панорамного окна, глядя на свои владения. Он не обернулся, когда двери бесшумно разошлись. Его голос, низкий и вибрирующий, заполнил стерильное пространство кабинета:

– Наши аналитики полагают, Алиса, что твой старик – не просто одинокий маразматик. Он из тех, кто называет себя... «Искрословы».

Соловьев медленно повернулся. Его лицо было спокойным, но глаза... в них Алиса увидела то, о чем предупреждала Диана. Там, за слоями власти и уверенности, пряталось нечто, похожее на затаённую, тлеющую злобу.

Глава 3. «Тайное убежище»

Дорога в туннель вытягивала из него последние остатки жизни. Михаил шёл, наваливаясь на трость всем весом, и каждый удар наконечника о бетон отдавался в зубах сухим, костлявым стуком. Аварийные лампы под потолком еле тлели, создавая вокруг него мутный, призрачный ореол, в котором плясала вековая пыль. Этот технический аппендикс между 24-м и 25-м секторами ВосточноБлока построили

ещё до того, как мир стал идеальным. Дроны-обходчики сюда почти не заглядывали – для системы это было слепое пятно, забитое ржавчиной и тишиной.

Дыхание вырывалось из груди со свистом. В семьдесят два года даже короткая прогулка – это марафон, а сегодня, после вчерашнего визита этой Алисы, грудь сдавило тугими тисками панического кома. Время утекало сквозь пальцы, как песок.

– Твою мать... только не сейчас, – прохрипел Михаил, вцепившись свободной ладонью в холодную, шершавую стену. Колени подкашивались, готовые вот-вот подогнуться.

Справа, в густой тени, измотанный беглец увидел граффити: раскрытая книга с рваными крыльями. Знак Искрословов. Грубый, нацарапанный наспех, но для Михаила он был ярче любого неоновом щита. Это означало, что он был на месте.

Через двадцать шагов старик замер у массивной вентиляционной решётки. Облупившаяся краска, запах старого железа и сырости – обычная деталь огромного бетонного улья. Михаил ударил по металлу костяшками. Три раза. Пауза. Ещё два. Кожа на суставах горела.

Решётка дёрнулась, взвизгнула и плавно ушла в паз. Михаил втиснулся в узкий проход, обдирая локти о бетон. Секунда полной, липкой темноты, резкий запах машинного масла – и перед ним распахнулась вторая дверь.

– Миша! Ну наконец-то, живой!

Это был старый технический хаб климатической системы, но сейчас здесь пахло не электроникой. Здесь пахло по-настоящему: пылью, кислым человеческим потом и старым книжным клеем. Библиотека в 2065-м году выглядела как безумие – вдоль стен тянулись кособокие, самодельные полки, забитые настоящей бумагой. Книги тихо умирали, выдыхая запах леса. В центре стоял огромный дубовый стол, весь в царапинах и старых пятнах, а в углу, за ширмами, виднелись койки. Это место было живым, оно дышало.

Елена Воронцова кинулась к нему, её седые волосы выбились из узла. Худая, жилистая, в серой тунике, которая на ней висела, как на вешалке. Когда-то она вешала с кафедры университета, пока её не вышвырнули как отработанный материал.

– Мы места себе не находили, – она вцепилась в его плечи сухими, горячими пальцами, помогая стащить пальто. – Максим передал, что к тебе вчера завалились из надзора.

– Да, – Михаил рухнул в кресло, которое ответило ему надрывным скрипом потёртой кожи. – Мало времени, Лена. У нас очень мало времени. Они начали что-то подозревать.

Из глубины, из-за книжных полок, выскочил Максим. Волосы дыбом, глаза за очками воспалённые, шальные. Вундеркинд, променявший карьеру в корпорациях на жизнь в подполье. Он не тратил время на приветствия:

– Цикада? Сбои были?

– Цикада нормально тащила, – Михаил вытер со лба липкую испарину. Руки до сих пор ходили ходуном. – Но я подставился, как последний маразматик. Синее пятно на одежде. Чернила. Она его заметила, Макс. Она его, мать её, потрогала.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что было слышно, как гудит вода в трубах за стеной. Елена и Максим замерли. В их глазах отразился один и тот же парализующий ужас. Максим нервно кусал заусенец, пока по пальцу не поползла красная капля.

– Значит, вытаскиваем бумагу сейчас, – Максим сорвался с места, лихорадочно поправляя очки. – Ночью будет поздно.

В этот момент из-за стеллажей медленно вышел высокий седовласый мужчина в старомодном твидовом пиджаке. Профессор Андрей Владимирович Савельев. Прямой, как сухая ветка, он не суетился. Его спокойствие было тяжёлым, как могильная плита.

– Старина, – сказал он, подходя к Михаилу и сгребая его в крепкие, почти медвежьи объятия. От Андрея исходил густой, дурманящий аромат: запах пожелтевших книжных страниц, пыли старых библиотек и резковатого, давно объявленного вне закона трубочного табака. Запах старых страниц возвращал в прошлое, и в груди у Михаила на миг тяжело защемило.

– Рад, что ты добрался живым. Я пытался пробиться к тебе через затухающие старые каналы, но сеть стала совсем прозрачной.

– Да, были сложности, Андрей, – Михаил слабо, одними уголками губ, улыбнулся. – Твоя бывшая студентка... она всё-таки обнаружила мои чернила. След на одеяле.

Профессор помрачнел, между бровей залегла глубокая складка.

– Алиса? – он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было больше отеческой горечи, чем злости. – Я так и думал. Виктор не доверил бы эту аномалию никому другому. Она – его самый острый скальпель, лучший аналитик. И, к моему глубочайшему сожалению, моя самая одарённая ученица.

– Ты действительно веришь, что она потеряна? – негромко спросила Елена, внимательно глядя на профессора. – Ты же сам говорил, что в ней жила искра.

Андрей качнул головой, его плечи поникли.

– Это было в другой жизни, другой реальности, Лена. До того, как Виктор построил её в свою схему, как идеальную деталь. Теперь она – плоть от плоти NeuroCult. Совершенный продукт, безупречно логичный и такой же бездушный, как их алгоритмы счастья. Она – их воплощение.

К ним подошли ещё двое. Молодая девушка с коротко стриженными, огненно-рыжими волосами – Соня, чьи пальцы, казалось, никогда не замирали, вечно выстукивая невидимый код. И Картограф – коренастый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как топографическая карта; бывший архитектор, знавший подноготную этого бетонного улья лучше, чем своих пять пальцев.

– Плохие новости, – Соня присела на край старого ящика, её глаза лихорадочно блестели в полумраке. – В вашем секторе, Михаил Александрович, NeuroCult закручивает гайки. В Общем чате тишина, но по техническим каналам идёт гул: они обновили алгоритм всех Домашних Стражей в радиусе трёх блоков от вас. Теперь они сканируют не только движение, но даже микроколебания воздуха.

– Так быстро? – Михаил почувствовал, как сердце сжалось, перекрывая доступ кислороду. Дыхание стало прерывистым, коротким. – Значит, петля затянулась. У меня действительно не осталось времени.

Елена молча подошла к своей сумке и аккуратно достала оттуда свёрток, обернутый в мягкую тёмную ткань.

– Я раздобыла то, что ты просил, – прошептала она, передавая свертки Михаилу. – После того как Хранителей разгромили в прошлом месяце, найти это было почти невозможно. Чистое безумие.

Михаил осторожно развернул ткань. Внутри, в ложементе, находились две стеклянные ампулы. Чернила в них были густыми, цвета тёмной стали, с едва заметным ртутным, металлическим отливом. Стекло было холодным, но когда он сжал его в ладони, ему показалось, что внутри пульсирует

жизнь.

– Модифицированные, – пояснила Елена, её голос срывался от напряжения. – Они уходят глубоко под кожу, не оставляя воспаления. Но главное – их состав сбивает с толку стандартные сканеры Стражей. Они видят это как естественную пигментацию или гематому.

– Кожа... – почти беззвучно выдохнул Андрей. В помещении стало так тихо, что было слышно, как где-то в глубине стен капает вода. – Ты всё-таки решился на это.

Михаил кивнул. Его взгляд, до этого метавшийся, вдруг стал неподвижным и твёрдым, как гранит.

– У меня нет другого пути, друг мой. Бумагу они рано или поздно вырвут с корнем и сожгут. Цифровые коды они вскрывают, как консервные банки, и переписывают историю на лету. Моё тело – последняя крепость. Единственный холст, который они не смогут забрать, пока я дышу. Пишите на мне, Лена. Выжигайте эти слова прямо в мою плоть.

Он замолчал, а потом резко поднялся, преодолевая боль в коленях и опираясь на трость.

– Но сначала – рукопись. Я должен вернуться домой. По-

ловина романа спрятана под половицей. Если я не заберу её сейчас, через час Страж поднимет тревогу из-за моего отсутствия, и в квартиру ворвутся чистильщики. Тогда всё станет пеплом. Я принесу бумагу, и мы начнём.

Елена подошла вплотную. Её рука, сухая и горячая, накрыла его кулак.

– Михаил, это уже не просто буквы. Это доказательство. Того, что они не смогли нас вытравить. Настоящее, человеческое. Оно в нас.

Михаил через силу улыбнулся, чувствуя, как стягивает кожу на щеках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.